

Жан-Жак Руссо как эмблематичная фигура франкоязычной философии

А. А. Костикова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Костикова А. А. Жан-Жак Руссо как эмблематичная фигура франкоязычной философии // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 183–192. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.112>

Статья посвящена интерпретации философского наследия Ж.-Ж. Руссо прежде всего во французской философии и культуре. Рассматриваются ключевые и наиболее известные идеи Ж.-Ж. Руссо с точки зрения современной философии и свойственной новейшей культуре постановки жизненно важных вопросов — об образовании, о свободе, о правах человека, о взаимоотношениях мужчин и женщин, о языках, музыке, о театре и культуре в целом. Не претендуя на полную реконструкцию философских идей Ж.-Ж. Руссо, автор предполагает сделать акцент на сложности и амбивалентности этих идей, позволяющих современному западному интеллектуалу обращаться к Ж.-Ж. Руссо с наиболее актуальными для отдельного человека и человеческого сообщества вопросами. Дата рождения (28 июня 1712 г.) даже не в «юбилейный» год становится поводом для активного и творческого возвращения к идеям Ж.-Ж. Руссо, предлагая интересную интерпретацию отдельных аспектов философии Ж.-Ж. Руссо, реактуализируя их. Ж.-Ж. Руссо предстает не как часть коллективного проекта французского Просвещения, а как самостоятельный и оригинальный мыслитель, предвосхитивший многие актуальные линии обсуждения ключевых и для современности тем философии. Так, например, сегодня воспринимается философия языка Ж.-Ж. Руссо, «обнаружившего» фундаментальный фактор появления языка, — его акустическую составляющую, музыкальную по сути. Ж.-Ж. Руссо, несомненно, на наш взгляд, поддерживает традиционную франкоязычную мысль: с декартовского «Рассуждения о методе», развернутого философского рассуждения, обусловленного культурно и, как правило, политически. В целом для представленного историко-философского портрета Ж.-Ж. Руссо характерны черты национальной философии: политическая ангажированность, претензия на универсальность, внимание к процессу убеждения и разворачивание мысли. Это то, что востребовано новейшей философией и превращает Ж.-Ж. Руссо в своеобразного амбассадора франкоязычной мысли.

Ключевые слова: французская философия, Ж.-Ж. Руссо, современная философия, философия языка, философия театра, философия пола, философия культуры.

Дата рождения — 28 июня 1712 г. — и дата смерти — 2 июля 1778 г. — даже не в «юбилейный» год становятся поводом для активного и творческого возвращения к идеям Ж.-Ж. Руссо, предлагая нам актуальную

интерпретацию отдельных идей Ж.-Ж. Руссо или отдельных периодов его жизни, тем более что история семьи Ж.-Ж. Руссо вплетена в сложную историю религиозных миграций в Европе середины XVI в., и сам Ж.-Ж. Руссо из семьи женевого часовщика в третьем поколении, ученик гравера, очень рано оказавшийся в положении преследуемого. Тему детства и сиротства, как и тему веры, многие исследователи считают фундаментально формирующими по отношению ко многим другим идеям Ж.-Ж. Руссо [например, 1–3]. Среди множества опубликованных уже после смерти философа исповедальных работ, например «Прогулки одинокого мечтателя», которую мы рассматриваем как своеобразное интеллектуальное завещание Ж.-Ж. Руссо, касающееся политики, веры, концепции языка и, разумеется, воспитания — незавершенное продолжение «Эмиля» — «Эмиль и Софи, или Одинокие». Не сформированная в Новое время исторически тема укорененности, памяти, определенности и привязанности, столь важная для современной философии, выделяет Ж.-Ж. Руссо как философа, во многом опередившего свое время, продемонстрировавшего в своих текстах важность расширения горизонта понимания базовых философских понятий. Ж.-Ж. Руссо оказался в центре наиболее значительных социальных и интеллектуальных проектов своего времени — революция и энциклопедия. Его оригинальный вклад в эти проекты был во многом парадоксальным, его идеи не только повлияли непосредственно на современников и ближайших по времени политических деятелей, ученых и писателей, его идеи создали сложное амбивалентное поле трактовки основополагающих идей проектов. Не случайно в 2012 г. Жан-Поль Жуари так и обозначил место философа: «Руссо — гражданин будущего» [4]. Сегодня мы видим, как Ж.-Ж. Руссо оказывается ретроспективно вписан в методологии новейших концепций гендерной философии, дискурс-анализа, биополитики, деконструктивизма и аналитических исследований.

Надо сказать, что жизнь Ж.-Ж. Руссо стала предметом философских романов, претендующих на объяснение идей Ж.-Ж. Руссо, достаточно вспомнить «Калиостро» Дюма, «Молодой Руссо» Манфреда или «Мудрость чудака, или Смерть и преображение Ж.-Ж. Руссо» Л. Фейхтвангера. Во второй половине XX в. чередой байопиков с «говорящими» названиями, как, например, «Дороги ада». К 300-летию со дня рождения выходят и дополненное собрание сочинений, и серия программ с устным чтением текстов Ж.-Ж. Руссо, и экранизация («Моя новая Элоиза»). Женева трансформирует факультет психологии и педагогики своего университета в Институт Ж.-Ж. Руссо, организует деятельность Общества Ж.-Ж. Руссо. В наиболее политически острые моменты современной истории возникают кинопроекты, сосредоточенные на иде-

ях Ж.-Ж. Руссо: так, например, в 1981 г. появляется фильм «Чудесное путешествие Франсуа в страну Жан-Жака» [5], где путешествие во времени оказывается возвращением к истокам фундаментальных ценностей современного общества: принципам политического права, теории общественного договора, идеям свободы и прав человека.

Итак, политическая власть, по мысли Ж.-Ж. Руссо, — выражение общей воли и сила этой воли, в интерпретации Ж.-Ж. Руссо, не является неминуемым насилием и террором [6]. Как доказывает в XXI в. Жан Старобински [7], в «Письмах с Горы» речь идет не о сломе государства, не о практике будущих монтаньяров, а об использовании вечной природы человека с его стремлением к обновлению, вечному «оборачиванию» к истокам человеческой добродетели, к пересмотру героев — это, говоря современным языком, не естественная практика обновления памяти, вне единых прогрессистских критериев общественного развития, а опора на природу самого человека и тех общественных связей, в которых он и становится человеком.

Действительно, комплекс политических идей Ж.-Ж. Руссо не сбалансирован и даже в комплиментарном изложении, каким оно казалось у классиков немецкой философии, Ж.-Ж. Руссо оказывается, несомненно, «жизненно мудрым» (Шопенгауэр), но его рассуждения о воле оказываются в основании тотального государства у Гегеля или в основании психологии морали у Канта. Следует напомнить, что, согласно легенде, единственный портрет, хранившийся у Канта, был портрет Ж.-Ж. Руссо. В центре обсуждения в XX в. — определение суверена, которое, например, для Грамши [8] формирует демократическую линию теории социализма, противостоящую либерализму в интерпретации суверена, и политической власти Локком, Кантом, Гумбольдтом и др. В целом тенденция интерпретации политических идей Ж.-Ж. Руссо в XX в. может быть представлена как движение от приписывания Ж.-Ж. Руссо всей ответственности за тиранию, самым известным из которых является брошенный Б. Расселом упрек в адрес Ж.-Ж. Руссо в теоретической подготовке появления Гитлера [9] к пониманию специфической теории справедливости, выстроенной не на рациональном движении к общественному договору, а на естественном, подчас чувственном, эмоциональном, например, с точки зрения Хайека, переживании уравнительной справедливости, которое, например, по мысли Дж. Роулза, может быть искажено неосведомленностью и неведением [10]. Сравнение монархии, демократии и аристократии проводится на основании концепции государственного (народного) суверена, которая редко обсуждается сегодня, поскольку не предполагает действенное существование международного права и объединения государств. Однако это

стало поводом как для жесткого противопоставления идей Ж.-Ж. Руссо и идей Вольтера и их рассмотрение в контексте своеобразной борьбы за право представлять франкоязычное Просвещение [например, 11]. В контексте такой интерпретации возникает и похвала особого рода — со стороны социальной критики XX в., которая в своем третьем поколении в лице Ю. Хабермаса развернулась к проблемам коммуникации и языка. Ю. Хабермас считает, что именно Ж.-Ж. Руссо выделил роль общественного мнения, которое и призвано обладать той искомой политической властью, которая затем распределяется по функциям цензора [12]. По мысли Ю. Хабермаса, Ж.-Ж. Руссо при всем своем интересе к проблемам языка не сумел разглядеть дискурсивный характер функционирования общественного мнения, а значит и политической власти, не обратил внимания на задачи формирования общественного мнения. У Ж.-Ж. Руссо единство формируется естественным образом, начиная с «маленькой Родины». На первый взгляд, противоречащая самой теории общественного договора позиция эскапизма и критики Ж.-Ж. Руссо больших городов является продолжением идеи общего понимания общественного блага и добродетели — его корни в натуралистическом идеале в «Эмиле». Он ограничивает счастливую жизнь человека натуральным хозяйством буквально: «ближайшая мельница и соседний рынок — вот границы Вселенной». Общая воля, которая, в такой интерпретации Ж.-Ж. Руссо, зиждется на спонтанном и проявленном общем мнении, — залог здорового государства. Эта общая воля способна сохранить в рамках общественного договора тот уровень свободы, который был у каждого в естественном состоянии. Идеи такого государства Ж.-Ж. Руссо попытался реализовать в проекте конституции Корсики и других практических проектах. Важно, что понимание войны Ж.-Ж. Руссо разворачивается в контексте противостояния моральной общей воли одного государства моральной общей воле другого государства. Такое понимание гармонично в современной интерпретации, дополняется теорией «гражданской религии» и воспитания.

Тема воспитания — одна из самых обсуждаемых оригинальных концепций Ж.-Ж. Руссо. С темы влияния наук и искусств начинается путь Ж.-Ж. Руссо в философии, и эту тему он не оставляет, посвящая позитивной программе воспитания роман «Эмиль, или О воспитании». Из-за «Эмиля» у Ж.-Ж. Руссо возникли основные проблемы непонимания и неприятия. Действительно, революционным оказывается целый ряд положений, оценить значимость которых стало возможно только из века нынешнего. Прежде всего, это легитимация самого ребенка в качестве субъекта воли [13]. Но именно в качестве такового ребенок часто оказывается в повествовании Ж.-Ж. Руссо заложником есте-

ственных процессов созревания. Идеи этапов формирования личности, роли простого труда и «простых» чувств, естественности вскармливания и всех других процессов жизни ребенка многими современниками Ж.-Ж. Руссо и поздними комментаторами были восприняты как консервативные и обскурантистские. Такую же участь постигла и защита Ж.-Ж. Руссо естественного целомудрия против «книжного» соблазна в «Новой Элоизе». К сожалению, идея естественности и природности добродетели оказалась востребована только в более поздних интерпретациях, на что указывает специально известный историк философии Фредерик Вормс [14]. Следует обратить внимание, что потребовалось появление новой терминологии в обсуждении этой темы, чтобы человеческая естественность была методологически отстроена от животного, витального, технологического и политического.

В пятой книге «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо формулирует задачи женского образования, которые превращают самого Ж.-Ж. Руссо в мишень феминистской критики: «нравиться мужчинам, быть им полезной — вот обязанности женщин всех времен и то, чему их надо обучить с детства». Однако следует обратить внимание на то, что сама идея обучения «быть женщиной» в смысле вспомогательности функций активно используется теоретиками феминистского движения разных направлений и времен [например, 15]. Так, например, в 1792 г. Мэри Уолстонкрафт пишет, опираясь во многом на логику Ж.-Ж. Руссо, о правах женщин. А Симона де Бовуар так сформулирует идею «второго пола» — «женщиной становятся» в результате воздействия соответствующей социально-культурной системы.

Противопоставление природного и культурного, еще столь необычное для философии того времени противопоставление, которое не совпадает с дихотомиями рационального и чувственного, морального и безнравственного, превратило автора идеи в лучшем случае в противоречащего самому себе философа, в то время как Ж.-Ж. Руссо предвосхищает философию перформативности — плана выражения естественных закономерностей, искажающего исходную природу. Так читается сегодня рассуждение Ж.-Ж. Руссо фактически о культурной пропаганде и коммуникативном воздействии на общественное сознание. Ж.-Ж. Руссо в ответ на советы о театре женевам Даламбера и солидарного с ним Вольтера напишет «Послание о театральных зрелищах». В первой части Ж.-Ж. Руссо подробно возвращается к идее показательного, что само по себе допускает запуск соблазна и предполагаемого развращающего воздействия. Но во второй части Ж.-Ж. Руссо говорит о необходимости «развлекать» народ и о пользе народных праздников на открытом воздухе, которые имеют воспитательное значение, возвра-

щают людей к «простым» чувствам и радостям, непосредственно гармонизируют общественные настроения.

Ключевой для понимания этой позиции является, на наш взгляд, концепция Ж.-Ж. Руссо о происхождении языков. Во многом подхватывая идеи Кондильяка, Ж.-Ж. Руссо подчеркивает естественный характер происхождения языка, ее коммуникативную составляющую, так же как природную потребность человека. По мысли современных исследователей, например, Т.-Ч. Рабинович, в акустической коммуникативной языковой способности человека лежит возможность появления знания и наук, и социальных конструкций, и трансформаций [16]. Так, музыка, с точки зрения интерпретаторов Ж.-Ж. Руссо, эволюционирует в язык [17]. Современные специальные исследования в сфере наук о музыке отмечают вклад Ж.-Ж. Руссо в появлении и сравнительного музыковедения, и социолингвистики, и социокультурологии.

Внимание к наследию Ж.-Ж. Руссо как музыкального критика и композитора заслуживает самостоятельного исследования — ведь он начинает с проекта реформирования музыкальной записи и реформы оперного жанра с удачным воплощением этих идей в собственной опере «Деревенский колдун». Именно Ж.-Ж. Руссо было поручено написать статью «Музыка» для «Энциклопедии» Дидро. И последней опубликованной при жизни работой стал «Музыкальный словарь» (1768). Современные исследования в этой сфере высоко оценивают вклад Ж.-Ж. Руссо [18]. Особо в этом ряду следует выделить философско-художественный проект Жан-Люка Годара 1967 г. «Веселая наука» [19], титульно отсылающий к Ницше, но сценарно предполагающий реализацию объясняющей схемы Ж.-Ж. Руссо: связать звук и изображение, обнаружить тонкую магическую нить смысла, которая выстраивается двумя героями фильма. Любопытно, что Ж.-Л. Годар, выпустивший под впечатлением студенческих протестов 1968 г. фильм «Как другой», вернулся к проекту о Ж.-Ж. Руссо, чтобы домыслить эту естественную механику конституирования смысла и выпустить фильм через год — в 1969 г. Неслучайно Ж.-Ж. Руссо в интерпретации Д. Каколириса, К. Ньири и др. [20; 21] — основоположник прежде всего французской философии визуального. Действительно, Ж.-Ж. Руссо пишет о бесписьменных культурах в целом и о существующей внутри практики визуального — в интерпретации современных исследователей, заслуга Ж.-Ж. Руссо в изначально антиколониальной позиции в интерпретации визуального — это способ освоения мира, очень естественный для человека [22]. Деконструктивное чтение Ж.-Ж. Руссо должно раскрыть горизонты смыслов, которые улавливаются чувственно, эмоционально. Задолго до появления теории эмоционального интеллекта политиче-

ские мыслители именно у Ж.-Ж. Руссо обнаруживают идеи эмпатии как базовые в понимании морали и политических отношений. Так, Ханна Арендт пишет, что добродетель у Ж.-Ж. Руссо предполагает пощаду, переживаемую как жалость, способность эмоционально принять участие в судьбе побежденного, отличая ее от сострадания и солидарности [23]. Этот ключ к политической философии Ж.-Ж. Руссо, предложенный в XX в., позволяет объяснить кажущиеся противоречия в его текстах, которые до этого, как правило, представлялись дихотомично: его критиковали за устаревшее понимание свободы и оправдание террора [24], а иногда — за диаметрально противоположные позиции, которые ему приписывались, — за демократизм и аристократизм. Для многих философов это становилось самостоятельной проблемой, во многом представляющей специфику философии XX в., как, например, для Эрнста Кассирера, который так озаглавил свое понимание — «Проблема Ж.-Ж. Руссо» (1932) [25]. Во многом это оказалось проблемой всего комплекса гуманитарного знания — взаимосвязи мыслителя и писателя [26] и единства метода эмпирического или спекулятивного [27]. На наш взгляд, важным поворотным моментом в преодолении дихотомичности в интерпретации идей Ж.-Ж. Руссо стала комплиментарная позиция К. Леви-Строса, считавшего Ж.-Ж. Руссо основоположником этнологии и антропологии, апеллируя к высказыванию Ж.-Ж. Руссо из 8-й главы «Эссе о происхождении языков»: «...чтобы изучить людей, следует посмотреть вокруг себя, чтобы изучить человека, следует научиться смотреть шире, следует сначала исследовать различия, чтобы обнаружить свойства» [28]. Любопытное ретроспективное противопоставление Ж.-Ж. Руссо и Р. Декарта, буквально поддержанное К. Леви-Стросом, — не только в интересе к человеку, прежде всего, но и во всех темах философского обсуждения Ж.-Ж. Руссо ищет широкого естественного контекста, в котором и культурное, и социальное оказываются фактором природной среды для человека [29].

Для французской рецепции Ж.-Ж. Руссо принципиально важен содержательно-эгалитаристский принцип его философии, возможность гибкого и контекстуального исследования природы человека и общества. Этот посыл позволяет академично обосновать предложенное к концу XX в. общее видение этого мыслителя, например, собранное в «Словаре» Ж.-Ж. Руссо [30]. Картезианские требования очевидности и самопонятности, как требования метода построения истинных рассуждений, процессуальность этих построений — то, с чего начинается франкоязычная философия исторически, — обнаруживаются и распознаются у Ж.-Ж. Руссо зачастую в противоположных картезианской философии выводах, предлагая идеи, скорее,

для современной философии, чем для интересующихся философией современников Ж.-Ж. Руссо.

Для континентальной философии в целом важно, что Ж.-Ж. Руссо понимает проблемы философии как общие темы переосмысления и переустройства собственного мира и государства, исходя из естественной предрасположенности, в которой заложена природная человеческая добродетель.

Литература/References

1. Cabanès, A. (1931), *J.-J. Rousseau*, Paris: Albin Michel, 1931.
2. Burgelin, P. (1952), *La philosophie de l'existence de J.-J. Rousseau*, Paris: Presses Universitaires de France.
3. Chenevière, G. (2012), *Rousseau, une histoire genevoise*, Genève: Labor et Fides.
4. Jouary, J.-P. (2012), *Rousseau, citoyen du futur*, Paris: Audiolib.
5. *Le Merveilleux Voyage de François au Pays de Jean-Jacques* (1981), d'Hervé Pernot, Coproduction INA.
6. Faguet, É. (1912), *Les Amies de Rousseau*, Paris: Société française d'imprimerie et de librairie.
7. Starobinski, J. (2014), "Introduction", dans *Jean-Jacques Rousseau. Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*, Paris: Gallimard.
8. Vargas, Y. (2012), *Les promenades matérialistes de Jean-Jacques Rousseau*, Le Temps des Cerises.
9. Russell, B. (1945), *A History of Western philosophy*, Paris.
10. Ouelbani, M. (2002), *Cinquantenaire Wittgenstein*, Tunis: Université de Tunis.
11. Marsay, I. (2018), *L'apprenti des Lumières ou l'ombre de Voltaire*, Paris: Ginkgo éditeur.
12. Habermas, J. (1978), *L'Espace public: archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise*, transl. by M.-B. de Launay, Paris.
13. Cunningham, H. (2006), *The invention of childhood*, Londres: BBC Books.
14. Worms, F. (2001), *Rousseau, Émile ou de l'éducation*, Livre IV, Paris: Ellipses.
15. Pardina, T. L. (2012), Féminisme et laïcité, *Chimères*, pp. 137–151.
16. Rabinowitch, Tal-Chen (2020), *The Potential of Music to effect Social Changes*.
17. Dauphin, C. (2004), (Études présentées par), *Musique et langage chez Rousseau, Studies on Voltaire and the eighteenth century*, no. 8. Oxford: Voltaire Foundation.
18. Kintzler, C. (2006), *Poétique de l'opéra français de Corneille à Rousseau*, Paris, Minerve.
19. *Le Gai Savoir de Jean-Luc Godard avec Juliet Berto et Jean-Pierre Léaud* (1967), Coproduction Office de Radiodiffusion et Télévision Française, 95 min.
20. Nyiri, K. (2019), in: *Visual Meaning*.
21. Kakoliris, G. (2022), in: *Derrida's Deconstructive Double Reading: The case of Rousseau*.
22. Bhattacharya, U. (2011), *The "West" in Literacy*.
23. Arendt, H. (1967), *Essais sur la révolution*, Paris: Gallimard.
24. Vayssière, B. (2007), Europe et souveraineté. La notion d'État, des penseurs classiques aux réalités actuelles [archive], *Vingtième Siècle: Revue d'histoire* 3/2007 (no. 95), pp. 151–166.
25. Cassirer, E. (2012), *Le problème Jean-Jacques Rousseau*, Paris: Hachette Pluriel.
26. Rod, É. (1906), *L'Affaire J.-J. Rousseau*, Paris: Perrin.
27. Goldschmidt, V. (2000), *Anthropologie et politique*, Paris: Vrin.

28. Lévi-Strauss, C. (1973), *Rousseau fondateur des sciences de l'homme*, *Anthropologie structurale*, tome 2, Plon.
29. Guichet, J.-L. (2006), *Rousseau, l'animal et l'homme: l'animalité dans l'horizon anthropologique des Lumières*, Paris, Éditions du Cerf.
30. Trousson, R., Eigeldinger, F. S. (éd.) (2006), *Dictionnaire de Jean-Jacques Rousseau*, Paris: Honoré Champion.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2022 г.;
рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Контактная информация:

Костикова Анна Анатольевна — канд. филос. наук, доц.; foreign@philos.msu.ru

Jean-Jacques Rousseau as an emblematic figure of French-speaking philosophy

A. A. Kostikova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Kostikova A. A. Jean-Jacques Rousseau as an emblematic figure of French-speaking philosophy. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2022, vol. 3, pp. 183–192. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.112> (In Russian)

The article is devoted to the interpretation of the philosophical heritage of J.-J. Rousseau is primarily in French philosophy and culture. The key and most famous ideas of J.-J. Rousseau are considered from the point of view of modern philosophy and the formulation of vital questions peculiar to modern culture — about education, about freedom, about human rights, about the relationship between men and women, about languages, about music, about theater and about culture in general. Without claiming to be a complete reconstruction of the philosophical ideas of J.-J. Rousseau, the article suggests to focus on the complexity and ambivalence of these ideas, which allow the modern Western intellectual to turn to J.-J. Rousseau with the most pressing issues of our time. The date of birth — June 28, 1712 — even not in the “jubilee” year becomes an occasion for an active and creative return to the ideas of J.-J. Rousseau, offering an interesting interpretation of certain aspects of the philosophy of J.-J. Rousseau, reactualizing them. J.-J. Rousseau appears not as part of a collective project of the French Enlightenment, but as an independent and original thinker who anticipated many topical lines of discussion of the key topics of philosophy for modernity. So, for example, the philosophy of language J.-J. Rousseau “discovered” the fundamental factor of the emergence of language — its acoustic component, musical in essence. Rousseau undoubtedly, in our opinion, supports the traditional French-speaking thought, reframed by the Cartesian “Reasoning about Method”, a detailed philosophical reasoning conditioned culturally and, as a rule, politically. In general, for the presented historical and philosophical portrait of J.-J. Rousseau is characterized by the features of national philosophy: political engagement, a claim to universality, attention to the process of persuasion and the unfolding of thought.

This is what is demanded by the latest philosophy and turns J.-J. Rousseau became a kind of ambassador of French-speaking thought.

Keywords: French philosophy, J.-J. Rousseau, modern philosophy, philosophy of language, philosophy of theatre, philosophy of gender, philosophy of culture.

Received: October 18, 2022

Accepted: October 31, 2022

Author's information:

Anna A. Kostikova — PhD in Philosophy, Associate Professor; foreign@philos.msu.ru